

важные государственные посты, оказывавшие свое воздействие и на национальную политику в СССР. Приведем его некоторые свидетельства в отношении Крыма: «Мысль о создании еврейской Социалистической республики в Крыму открыто обсуждалась в Москве не только среди еврейского населения, но и в высших эшелонах власти... Обсуждение вопроса о создании еврейской республики в рамках Советского Союза я лично рассматривал как своего рода зондирование Запада, с тем чтобы выяснить, на сколько далеко идут их планы предоставления нам экономической помощи после окончания войны. Однако решение вопроса о создании еврейской республики было отложено до окончания войны, и письмо о ней лежало без движения в течение четырех лет, о его содержании ходили самые разные слухи. Затем, уже в 1948 году, Маленков воспользовался им для проведения кампании против членов ЕАК (Еврейского антифашистского комитета во главе с Михоэлсом – примеч. автора), а позднее и против старой гвардии в руководстве страной. Молотов, Микоян, Ворошилов, Вознесенский и, наконец, сам Берия, причастные к обсуждению создания еврейской республики на территории Крыма, сами, из-за того что у них имелись родственники евреи, оказались уязвимы в ходе этой кампании... До июня 1945 года этот проект, казалось, оставался в силе и должен был уже реализоваться. Во время подготовки Ялтинской конференции Гарриман спрашивал у меня и помощника Молотова Новикова, как идут дела с образованием еврейской республики в связи с будущими американскими кредитами под этот проект. Вспоминаю, что видел сообщение о том, что Сталин сразу же после войны обсуждал с делегацией американских сенаторов план создания еврейской республики в Крыму... После войны Сталину предпочел вести другую линию: усилились попытки проникновения наших агентов в ряды сионистского движения. До 1948 года Великобритания имела от Лиги Наций мандат на управление территорией Палестины. Сталин и Молотов надеялись успокоить англичан, опасавшихся быть вышвырнутыми из Палестины после создания там еврейского государства. Проект еврейской автономии в Крыму должен был отвлечь внимание лидеров мирового еврейства от Палестины как единственного варианта для решения еврейской проблемы. Когда в конце 1945 года стало ясно, что Сталин не считает себя с прежним зондажем, англичане и американцы организовали Англо-американский комитет по Палестине без участия Советского Союза. Это противоречило ранее достигнутому соглашению о совместных консультациях военных союзников по палестинской проблеме... И вот в апреле 1946 года заместитель министра иностранных дел Деканозов и Вышинский направили служебную записку правительству, где подчеркивали, что интересы Советского Союза игнорируются...» [8].

Такова нравственная сторона национальной политики советского руководства во главе со Сталиным. Таковой она продолжала оставаться и после смерти Сталина, что мы уже показали на примере комиссии ЦК КПСС во главе с «верным ленинцем» А.А. Громыко. Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев никогда не руководствовались провозглашенными принципами и положениями национальной политики до октября 1917 года. Они всегда блефовали, прикрываясь авторитетом марксизма, который создавали сами же. Больше всего их волновали проблемы укрепления власти РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС.

Источники и литература

1. РЦХИДНИ. – Ф.1. – Оп.16. – Д.129. – Л.12-14.
2. КПСС в резолюциях и решениях... – 8-е изд. – Т.2. – С.433-442.
3. Государственный архив Автономной Республики Крым. – Ф. Р-1318. – Оп.1. – .145. – Л. 50-51.
4. Там же.
5. Крымская правда. – 1987. – 23 июля.
6. Там же.
7. ГААРК. – Ф. Р-652. – Оп. 1. – Д. 617. – Л. 34, 40, 52-53, 56, 58, 60.
8. Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. – М., 1998. – С. 469-471.

Шумский К.В.

ЕПАРХИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ТАВРИЧЕСКИХ ДУХОВНО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В настоящее время Православная Церковь в Украине переживает новый этап своего исторического развития. Это период возрождения ее как цельного организма с достаточно развитой инфраструктурой. Одной из неотъемлемых частей этой последней является система духовно-учебных заведений, без которых не мыслится ни одна конфессия. Своего наивысшего расцвета они достигли в Российской империи. Там существовала хорошо развитая сеть духовно-учебных заведений разного ранга, в которых ковались кадры не только российского, но и зарубежного православного духовенства.

Впервые интерес к изучению учебных заведений духовного ведомства возник в связи с общественным подъемом, который испытала Российская империя в эпоху Великих реформ 1860-х гг. Тогда на страницах духовной и светской периодической печати появляется множество статей общественных и церковных деятелей, посвященных этой теме. Эти статьи носят скорее публицистический характер, и посвящены тем или иным проблемам духовной школы.

Проблемы российской духовной школы затрагиваются также и в общих работах, посвященных истории Церкви. Из дореволюционных трудов подобного характера необходимо упомянуть «Историю Православной Церкви в XIX в.», вышедший как приложение к журналу «Странник», «Историю русской церкви под управлением Св. Синода» С. Г. Рункевича и «Историю Русской Церкви» П. В. Знаменского. Первые

две носят официальный характер, а последняя является учебным пособием, что несколько преуменьшает их исследовательскую ценность.

Большой вклад в развитие российской церковно-исторической науки внесли историки-эмигранты. Ими написан ряд значительных работ по истории Русской Церкви, в которых не последнее место отведено и духовно-учебным заведениям. В этом отношении особо стоит отметить фундаментальный труд И. К. Смолича «История Русской Церкви. 1700-1917.», а также книгу протоиерея Г. Флоровского «Пути русского богословия».

Из современных трудов, в которых рассматривается история духовной школы, необходимо назвать книгу российского историка С. В. Римского «Российская Церковь в эпоху Великих реформ», и работы украинских историков Л. Ю. Посоховой «Харьковский коллегиум (XVIII – первая половина XIX ст.)» и Ю. А. Катунина «Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX в.). Из истории христианства в Крыму».

Таким образом, до настоящего времени нет ни одного серьезного комплексного исследования, посвященного духовной школе. Большинство же попыток ее изучения предпринималось либо в узких хронологическо-тематических рамках, либо в контексте общей церковной истории. В результате, вне поля зрения специалистов остался ряд важных вопросов. Так, например, совершенно не исследован механизм управления и содержания епархиальных духовно-учебных заведений в рамках отдельно взятой церковной административно-территориальной единицы.

Учитывая важность и практическую значимость данного вопроса, автор предпринял попытку исследовать систему духовно-учебных заведений на примере Таврической епархии. В данном случае нам важно знать, какие епархиальные органы и общественные институты были задействованы в управлении таврическими духовно-учебными заведениями, а также, какой арсенал средств имела Таврическая епархия для содержания этих последних.

За всю историю Таврической епархии в ней возникло и функционировало четыре учебных заведения духовного ведомства. Это: Симферопольское духовное училище (далее – СДУ), Таврическое епархиальное женское училище (далее – ТЕЖУ), Таврическая духовная семинария (далее – ТДС) и Таврическая епархиальная школа для псаломщиков (далее – ТЕШП).

Высшее наблюдение за духовно-учебными заведениями епархии осуществлял епархиальный архиерей. Он контролировал должностных лиц, следил за правильным ходом учебного дела, утверждал решения правлений и советов и разрешал спорные вопросы, наблюдал за благосостоянием духовно-учебных заведений, охранял их права и преимущества. По окончании каждого учебного года архиерей представлял в Синод отчет о состоянии духовно-учебных заведений его епархии в учебно-воспитательном отношении.

Надо сказать, отношение епархиальных архиереев к своим духовным школам, как правило, было отеческим. Особенно это касалось женских епархиальных училищ. Некоторые современники считали такое благоволение епископов к этим заведениям даже чрезмерным [1]. Таврические первосвященники, не жалея ни сил ни собственных средств, заботились об открытии в Таврии духовных школ. Не меньший энтузиазм был проявлен ими в укреплении их благосостояния.

Епископ Алексей (Ржаницын), например, уезжая на новое место службы в Рязанскую епархию, оставил таврическим духовно-учебным заведениям капитал в 12 тыс. руб. Проценты с него использовались для приобретения книг в ученические библиотеки и в награду лучшим воспитанникам, в качестве дорожного пособия выпускникам, поступавшим в духовные академии, и наиболее бедным ученикам на проезд домой во время каникул. Также на них производили покупку одежды, обуви и учебных принадлежностей для особо нуждающихся [2]. При открытии СДУ, преосвященный взял на себя приобретение церковной утвари, облачений и богослужебных книг.

Архиепископ Гурий оставил таврическим духовным школам капитал в 20 тыс. руб. Проценты с него, согласно завещанию, использовались на содержание одного из воспитанников ТДС, пожелавшего продолжить свое образование в университете на математическом факультете, а также на добавочное жалование семинарскому наставнику физико-математических наук. На эти же средства при ТДС была образована и содержалась кафедра истории и обличения русского раскола, а также открыт противораскольничий класс [3]. Преосвященный Гурий завещал семинарии также и свою библиотеку, насчитывавшую несколько тысяч томов.

Епископ Николай завещал СДУ все средства, вырученные от продажи написанных им книг [4]. Преосвященный Михаил подарил училищу большую часть своей библиотеки [5].

При строительстве и расширении училищных зданий архиереи со своей стороны почти всегда жертвовали довольно крупные суммы денег. Например, архиепископ Гурий на строительство нового корпуса ТЕЖУ в 1877 г. пожертвовал 5 тыс. руб. [6].

К широкому участию в жизни духовно-учебных заведений в 1860-х гг. стало привлекаться и местное духовенство. Это было связано с изменением способов содержания духовных школ. Согласно уставам 1867 г., на средства Синода содержались только семинарии, для которых вводились соответствующие штаты, а также должностные лица в мужских духовных училищах. Остальные расходы по содержанию мужских и женских духовных училищ, а также затраты, связанные с введением в семинариях параллельных отделений, включением в их учебную программу дополнительных предметов, созданием там сверхштатных казеннокоштных вакансий и т.п., ложились на плечи местного духовенства. Для разрешения этих

вопросов, с конца 1860-х гг. в епархиях ежегодно стали собираться съезды депутатов от духовенства. Члены от духовенства включались также в состав правлений и советов духовно-учебных заведений.

Первый съезд депутатов таврического духовенства состоялся в сентябре 1868 г. Начиная с этого времени, съезды стали собираться раз в году. Обычно это происходило в конце августа или в начале сентября, когда депутаты привозили своих детей в Симферополь на учебу.

Особенностью Таврической епархии было то, что все ее духовно-учебные заведения, не исключая и семинарию, содержались на местные епархиальные средства. Синод принимал на себя лишь расходы по выплате жалования штатным должностным лицам в ТДС и СДУ. При всем при этом, она не была освобождена от духовно-училищного налога, который епархии империи, исключая находившиеся на особом положении, ежегодно отсылали в Хозяйственное управление при Синоде. До 1880 г. он составлял 21% от кошелевых, кружечных и свечных доходов епархии. С 1880 г., в соответствии с распоряжением Синода, он повышался еще на 4%. В этих условиях роль епархиальных съездов была особенно важна, т.к. от их способности отыскать необходимые средства зависела степень благосостояния духовных школ.

Механизм работы съездов был следующий. Незадолго до очередной сессии, правления ТДС и СДУ, а также совет ТЕЖУ, представляли доклад на имя епархиального архиерея, в котором на рассмотрение съезда предлагался ряд хозяйственных вопросов. После наложения преосвященным соответствующей резолюции, эти вопросы обсуждались на десятковых съездах, собиравшихся на уровне благочиннических округов. Только после этого они шли на рассмотрение епархиального съезда. Обычно на первом же заседании депутаты образовывали несколько поверочных комиссий по числу духовно-учебных заведений. Комиссии подвергали их ревизии по всем частям и давали съезду исчерпывающую информацию. После ее обработки, а также после обсуждения возбужденных руководством духовных школ вопросов, съезд составлял смету на их содержание в следующем календарном году. Все решения съезда утверждались епархиальным архиереем.

Основная тяжесть налогов на содержание духовно-учебных заведений ложилась на церкви епархии. Раскладка взносов осуществлялась в соответствии с доходностью церкви, которая считалась по следующим статьям: кружечный и кошелевый сбор, чистая свечная прибыль, «доходы от оброчных статей», «мелочные и случайные поступления» [7].

В течение ряда лет некоторые благочинные жаловались на несправедливость такого распределения податей, ссылаясь на то, что оно не учитывало многих обстоятельств. В 1890-х гг. раскладка была отменена, а все расходы духовно-учебных заведений, которые она покрывала, были отнесены на счет епархиального свечного завода. При этом вводилась монополия завода на продажу церковных свечей, и цена их поднималась с 28 до 38 руб. за пуд [8]. Однако первые же годы показали, что свечной завод не справлялся с возложенной на него обязанностью, ввиду, прежде всего, недоимок за оптовыми покупателями. В связи с этим на очередном съезде были приняты меры «к более строгому взысканию недоимок», а также была увеличена цена свечей до 40 руб. за один пуд [9]. Тем не менее, из года в год дела свечного завода шли все хуже и хуже. Очередной съезд духовенства в 1899 г. снял с завода обязанность обеспечения духовно-учебных заведений, заключив, что «практика нескольких лет показала большие неудобства этого порядка дел, и повела, прежде всего, к запутанности в делах завода» [10]. Монополия на продажу свечей отменялась, цены были снижены, а церковные доходы вновь облагались налогом.

Например, в 1899 г. общая доходность церковью епархии составляла 289767 руб. По нормальной смете, отчисления с церковью епархии на содержание духовно-учебных заведений были определены в 60879 руб. 01 коп. в год. По дополнительной смете на 1899 г. требовалось еще 27202 руб. 78 коп. [11]. Т.е. общая сумма равнялась 88081 руб. 79 коп. Таким образом, на духовно-училищные нужды епархии церкви должны были отчислять порядка 30% своих доходов. Кроме того, в 1879 г. епархиальным съездом, с утверждения архиепископа Гурия, был установлен 20%-й сбор с определенных статей дохода церковью епархии, с целью создания резервного фонда на увеличение числа казеннокоштных вакансий. Например, в 1884 г. на этот предмет было собрано 10704 руб. [12]. С церковных же доходов взимался и отсылаемый в Хозяйственное Управление при Синоде 25%-й налог на духовно-училищные нужды. Он был фиксированным и составлял 15870 руб. [13].

Взносы от церковью далеко не покрывали всех расходов, которые несла епархия по содержанию своих духовно-учебных заведений. Например, в 1915 г. общие епархиальные затраты на их обеспечение составили 169654 руб. 89 коп. Из этой суммы раскладке на церкви епархии подлежало 97884 руб. 41 коп. [14]. Остальные 71770 руб. 48 коп. были покрыты из других источников.

Среди них следует, прежде всего, выделить средства, принадлежавшие собственно духовно-учебным заведениям. Львиную долю их составляли пожертвования светских и духовных лиц. Из денежных вкладов постепенно образовался неприкосновенный капитал, хранившийся в кредитных учреждениях. Завещанные материальные объекты (фруктовый и шелковичный сад, земля, мельница и т. п.) обычно сдавались в аренду. Например, неприкосновенный капитал ТДС к 1894 г. составлял 60528 руб. 48 коп., а ТЕЖУ – 41962 руб. [15]. На насущные нужды тратились только проценты с капитала и полученная арендная плата.

В отчислениях на духовно-учебные заведения участвовали также благочиннические округа, монастыри, епархиальное попечительство о бедных духовного звания. Кроме того, на духовно-училищные нужды были отнесены венчиковые и кошелевые суммы.

Ниже мы приведем статьи расходов, на которые обычно составлялась смета. Это: содержание воспи-

танников (пища, одежда, обувь, предметы быта, учебные, классные спальные и столовые принадлежности); жалование служащим, не получавшим его от казны, а также квартирное пособие преподавателям и должностным лицам; содержание и ремонт зданий;* содержание хозслужб (кладовые, погреба, бани, прачечные, ледники, сады, конюшни и пр.); содержание прислуги; открытие параллельных отделений; канцелярские расходы; содержание больниц, библиотек, физических и географических кабинетов; обеспечение церквей при заведениях и их клира; расходы экстраординарные [17].

Первенствующая роль таврического духовенства в обеспечении епархиальных духовно-учебных заведений давала основание для всестороннего вмешательства епархиальных съездов в их экономическую жизнь. Нередко из-за этого возникали разногласия между съездами и руководством заведений. Большая часть недоразумений касалась ТДС. Это было связано с тем, что взаимоотношения съездов и семинарий, содержавшихся на средства Синода, регулировались действующим уставом и различными разъяснениями к нему. Таврическая же семинария обеспечивалась из местных средств, и, таким образом, при ведении ее хозяйства не правомочно было руководствоваться существующим законодательством. В 1894 г. Синод, наконец, рассмотрел этот вопрос, и своим постановлением от 24 августа определил меру участия епархиального съезда в экономической жизни ТДС [18].

Одним из элементов контроля местного духовенства за ходом учебного дела и за правильным ведением хозяйства в епархиальных духовных школах, было участие его представителей в работе семинарских и училищных правлений и советов. В 1880-х гг. вмешательство представителей духовенства в учебный процесс было ограничено. Это было связано с тем, что к этому времени большинство преподавателей духовно-учебных заведений имели академическое образование, и «представлялось неудобным и нецелесообразным представлять лицам низшего образования право наблюдения за преподаванием лиц, обладающих высшим образовательным цензом» [19]. Кроме того, вмешательство членов правлений и советов от духовенства в учебный процесс Синод признавал неудобным, поскольку оно вводило «в училищную администрацию двоевластие, ослабляя в глазах учеников авторитет училищного начальства и учителей» [20]. Избираемые на епархиальном съезде, члены правлений и советов от духовенства, с одной стороны, «во избежание смешения прав и обязанностей», не должны были состоять на духовно-училищной службе [21], с другой – как лица, подотчетные съезду, они не могли являться его депутатами [22]. Устав 1867 г., оговаривал, что представители духовенства исполняют свои обязанности безвозмездно. Опыт нескольких лет показал невыполнимость этого требования, и уже в 1879 г. Синод разработал систему выговоров и наказаний за уклонение их от участия в заседаниях правлений и советов. При этом он просил епархиальных архиереев, чтобы те «не оставляли своим архиерейским одобрением и поощрением тех, которые своим деятельным участием способствуют процветанию духовно-учебных заведений» [23].

Представители таврического духовенства за исполнение своих обязанностей в правлениях и совете местных духовно-учебных заведений получали от съезда денежное вознаграждение. В разное время оно составляло от 120 до 200 руб. в год. За это они, помимо всего прочего, должны были доставлять съезду подробные отчеты по всем частям данного заведения. Обязанности эти представителями духовенства нередко игнорировались. В связи с этим, в 1890 г. съезд постановил прекратить им выдачу жалованья ежемесячно «и выдавать им таковое в виде вознаграждения, по усмотрению епархиальных съездов, однажды в год под условием представления ими отчетов за учебный год ко времени съезда» [24]. Епископ Таврический Мартиниан наложением своей резолюции распорядился выдавать им ежемесячно лишь 2/3 жалованья, а остальную часть выплачивать в конце года, «если будет предоставлена требуемая отчетность» [25].

Забота таврического духовенства и церковных властей о духовных школах выразилась также в учреждении при них различных попечительств и братств. В 1867 г. в Симферополе, с целью оказания материальной помощи духовно-учебным заведениям епархии, было образовано Петро-Павловское приходское попечительство [26]. В 1904 г., по инициативе епископа Таврического Николая, при СДУ было основано братство во имя священномучеников Херсонисских. Главной его задачей была материальная помощь беднейшим ученикам: снабжение их книгами, одеждой и обувью, содействие при уплате за содержание в училище, выдача пособий на лечение и на проезд домой. Например, в 1910 г. на благотворительные цели братством было истрачено 814 руб. 93 коп. [27]. В 1906 г., с утверждения епископа Алексия, попечительство было создано при Покровской церкви женского епархиального училища. Его целями провозглашались: единовременная и постоянная помощь нуждающимся ученицам и детям преподавателей церковных школ, а также материальная поддержка выпускниц училища [28].

На пожертвованный таврическим духовенством и общественностью капитал, при духовно-учебных заведениях было образовано несколько стипендий. В 1874 г. была учреждена стипендия в ТДС. В благодарность за труды, проявленные епископом Гурием в открытии семинарии, стипендии было присвоено его имя [29]. В 1890-х гг. было учреждено еще семь стипендий: по две в ТДС и СДУ, и три в ТЕЖУ. Все они носили имя епископа Мартиниана, возглавлявшего тогда Таврическую кафедру. Одна из стипендий в женском училище была образована по инициативе Таврического губернатора Лазарева П. М. Примечательно,

* Помимо сметных отчислений на этот предмет, епархиальный съезд периодически выделял довольно большие средства на обновление и расширение помещений. Так в 1897 г. было сделано очередное крупное ассигнование на сумму 100 тыс. руб. [16].

что в составлении капитала на ее учреждение наряду с православными участвовали также «иностранцы и иноверцы» в знак глубокого уважения к этому иерарху [30].

Теперь мы посмотрим, на каких условиях таврическое духовенство содержало в духовно-учебных заведениях своих детей. По заведенным правилам полноцерковные вакансии замещались, прежде всего, сиротами, затем – детьми заштатных священников. Все остальные содержались на собственные средства. Согласно постановлениям съезда, исключения делались только в «случае бедности и многосемейности» церковно- и священнослужителей. Священникам в подобных случаях предоставлялось право ходатайствовать о принятии на полный церковный счет одного из троих детей, воспитывающихся в местных духовно-учебных заведениях. Штатные дьяконы и псаломщики, в аналогичных случаях, могли содержать в заведениях на льготных условиях по одному ребенку из двоих учащихся, псаломщики – на полный церковный счет, а дьяконы – на половинный. При этом проситель должен был предоставить в правление или совет заведения справку от благочиннического совета, где содержалась подробная информация о его семейном и экономическом положении [31]. На десятковые съезды духовенства также налагалась обязанность ежегодно «собирать сведения, не изменились ли к лучшему, или наоборот, семейные обстоятельства тех воспитанников или воспитанниц, которые обучаются в духовно-учебных заведениях на церковном содержании» [32]. Исключения из данных правил должны были делаться только в случае «выдающейся бедности» или «каких-нибудь несчастий». При рассмотрении прошений учитывалось также поведение и успехи учащихся.

Кроме того, определенные льготы в отношении содержания предоставлялись детям лиц, служивших по духовно-училищному ведомству и в духовной консистории [33]. По одной полноцерковной вакансии в каждом духовно-учебном заведении было открыто также для детей преподавателей церковно-приходских школ и школ грамоты. Помимо этого, дети тех из них, кто «с успехом и пользою, засвидетельствованными епархиальным училищным советом, прослужили в должности учителей сих школ не менее 10 лет», освобождались от платы собственно за обучение в духовно-учебных заведениях [34].

Нельзя сказать, что таврическое духовенство было вполне довольно данным положением вещей. Из его среды часто слышались жалобы на то, что с одной стороны приходилось отчислять большие средства на содержание духовных школ, а с другой – платить еще и за образование своих детей. В связи с этим на рассмотрение епархиального съезда неоднократно представлялись различные проекты создания общества взаимопомощи. Их целью было дать духовенству более легкие способы обучения детей. Общество так и не было создано, а епархиальный съезд с трудом находил возможность увеличивать число казеннокоштных вакансий* хотя бы соразмерно с растущим числом воспитанников и воспитанниц. Вот что писал съезд духовенства епархиальному архиерею в 1900 г.: «наши церкви и без того обложены в крайней мере, так что в них нет теперь не только свободных (а тем более запасных) капиталов, как бывало раньше, но не остается в них даже средств, достаточного для необходимого, по временам, ремонта и благоустройства святых храмов» [36].

Ниже приводятся сведения о среднем количестве учащихся, состоявших на полноцерковном и половинном содержании в период с 1891 г. по 1900 г.

Название учебного заведения	Общее количество учащихся	Полноцерковные		Полуцерковные	
		чел.	%	чел.	%
ТДС	144	52	36	9	6
СДУ	219	55	25	21	21
ТЕЖУ	257	93	36	23	9

Таким образом, от 42 до 46% учащихся пользовались полным либо половинным церковным содержанием. Если учесть, что среди воспитанников было определенное количество инословных, которые никак не могли содержаться на епархиальные средства, процент этот для детей духовенства будет еще выше. Отсюда можно заключить, что епархиальный съезд нередко делал отступления от заведенных правил о принятии на казенный кошт.

Несколько слов необходимо сказать еще об одном епархиальном органе – духовной консистории. Духовно-учебные заведения не были учреждениями, подведомственными ей, но через канцелярию консистории проходила вся их экономическая отчетность, отправляемая в Контроль при Синоде. Через нее же Синод доводил до сведения руководства заведений свои установки. Следовательно, духовная консистория являлась передаточным органом между Синодом и епархиальными духовными школами

Таким образом, не смотря на то, что таврические духовно-учебные заведения были включены в общую структуру имперской системы духовного образования, опыт управления и содержания их силами одной епархии, несомненно, является уникальным. Основная нагрузка в отношении материального обеспечения таврических духовно-учебных заведений ложилась на церкви епархии. Кроме этого, к их содержанию были привлечены почти все имевшиеся на тот момент епархиальные структуры. Ведущую роль в управлении и обеспечении духовных школ, сыграли съезды таврического духовенства. По верному заме-

* Например, годовое содержание одной воспитанницы ТЕЖУ обходилось епархии в 283 руб. За шесть лет учебы эта сумма составляла приблизительно 1700 руб. [35].

чанию епископа Таврического Алексия, именно «заботам епархиальных съездов обязаны духовные училища своим теперешним внешним благоустройством, далеко не похожим на старую дореформенную «помяловщину» [37].

Источники и литература

1. Смирнов-Кутаческий А. Епархиальные женские училища / Духовная школа (сборник), с. 293
2. Государственный архив автономной республики Крым (далее – ГААРК), ф. 113, оп. 1, д. 159, л. 7-8
3. Там же, д. 288, л. 85, 133
4. Таврические епархиальные ведомости (далее – ТЕВ).– 1907.– №9.– С. 363
5. ТЕВ.– 1903.– № 19-20.– С. 1202
6. Там же.– 1877.– № 16.– С. 518
7. Там же.– 1899.– № 23.– С. 1633
8. Там же.– 1895.– № 42.– С. 1040-1042
9. Там же.– 1896.– № 44.– С. 1165
10. Там же.– 1899.– № 13–14.– С. 1006
11. Там же.– С. 1016–1017
12. Там же.– 1883.– № 21–22 С. 1028
13. Там же.– 1879.– № 18,19,20.– С. 896-898
14. Там же.– 1914.– Приложение: протоколы епархиального съезда.– С. 176-184, 187
15. Там же.– 1895.– № 38.– С. 934; № 40.– С. 998
16. Там же.– 1899.– № 13-14. – С. 937
17. Там же.– 1895.– № 50.– С. 1267
18. ГААРК. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 2–5
19. ТЕВ.– 1887.– №9.– С. 483-484
20. Там же.– С. 485
21. ГААРК. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 136. – Л. 161
22. ТЕВ.– 1912.– № 26.– С. 447-448
23. Там же.– 1879.– № 1.– С. 124-125
24. Там же.– 1891.– № 17–18.– С. 785-786
25. Там же.– № 19-20.– С. 854
26. Катунин Ю. А. Таврическая епархия (вторая половина XIX – начало XX в.). Из истории христианства в Крыму. – Симферополь: «Таврия», 1995. – С. 85
27. Таврический церковно-общественный вестник (далее – ТЦОВ) .– 1911.– №10.– С. 395
28. Там же.– 1907.– № 1.– С. 12
29. ГААРК. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 11-12
30. ТЕВ. – 1894. – № 1.– С. 10–11
31. ГААРК. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 192. – Л. 123
32. ТЕВ.– 1879.– № 18,19,20. – С. 840
33. ГААРК. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 1-2; – Д. 217. – Л. 15
34. ТЕВ.– 1900.– № 14-15.– С. 957; ГААРК. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 217. – Л. 16
35. ТЕВ.– 1877. – № 15. – С. 477
36. ТЕВ.– 1900.– № 14-15.– С. 1058
37. ТЦОВ. – 1906. – № 7. – С. 265